

18+

ΑΠΟΛΛΟΝ

Alexis D

Любовь и драма

Алекс Д

АПОЛЛОН

«Алекс Д.»

2020

Д А.

Аполлон / А. Д — «Алекс Д.», 2020 — (Любовь и драма)

Лучше сто раз разбиться, чем никогда не летать. Я всегда придерживался этого девиза. Я привык гореть не только в кадре, но и в жизни. Экстрим, гонки без правил, сложные трюки, безумные девчонки. Я думал так будет всегда, пока однажды не очутился в центре совершенно нереальной истории: стал главным героем сценария Каролин Симон, о существовании которой не подозревал, в то время, как она знала обо мне всё! Возможно объяснение скрывается в дружбе сценариста и Ари Миллер — единственной девушки-каскадёра, работающей в моем клубе. Точный ответ может дать только Каролин, но она исчезла при весьма загадочных обстоятельствах... Главный герой Марк Красавин присутствовал в романе «По ту сторону от тебя». Действия разворачиваются спустя два года после описанных в вышеуказанном романе событий. Содержит нецензурную брань!

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алекс Д АПОЛЛОН

«Женская красота не проявляется с самого детства. Она зреет внутри куколки, словно будущая бабочка, которая не сразу раскроет свои волшебные крылья. Эта куколка, казалось бы, не обещает явить миру ничего прекрасного. Но наступает положенный час, и... случается чудо!»

Наталья Солнцева. Пассажирка с «Титаника»

Пролог

Что мы знаем о бабочках кроме того, что уродливая гусеница в один прекрасный момент превращается в неподвижную застывшую куколку, а потом вдруг становится прекрасным легкокрылым насекомым, порхающим с цветка на цветок?

Существует очень красивая греческая легенда о происхождении этих удивительных созданий. Однажды богиня Флора решила сделать подарок могущественному Зевсу и сотворила для него невероятной красоты цветок. Восхищённый даром бог-громовержец коснулся губами лепестков, после чего цветок оторвался от стебля и упорхнул в небо.

Но есть и другая более зловещая версия. Бабочка – это душа человека, вылетающая из погребального костра.

Я хочу рассказать вам историю о маленькой одинокой бабочке Аполлон. Она родилась не от поцелуя Бога, а обрела свои крылья на пепелище переплетённых судеб людей, которых любила. Очень долго Аполлон была некрасивой гусеницей, уныло влачившей свое существование, а после обратилась в куколку, застыв, исчезнув для себя и окружающего мира. И ее путь от темницы тесного кокона до обретения крыльев оказался долгим и мучительным.

Но оно того стоило, раз однажды ей удалось взлететь.

Глава 1

Лос-Анджелес. Наши дни.

Марк

Я смотрю, как волны неспешно и вальяжно накатывают на берег, снисходительно бросая брызги мне в лицо. Сегодня океан молчалив и спокоен: голубая гладь до самого горизонта, и непонятно, где заканчивается океан, и начинается небо. Я прихожу сюда каждый день на закате, чтобы застать момент, когда огромный огненный шар, проделав свой долгий путь, устало растворяет лучи в темнеющих водах, окрашивая их алыми и бордовыми разводами. Небо величественно пылает, я поднимаю голову, замороженный, очарованный, ощущая, как прохладный ветер треплет мои волосы, пробирается под футболку, оставляя соль на губах. И в этот момент, я чувствую себя почти счастливым. На меня накатывают вдохновение и трепет, которые требуют выхода, поэтому иногда я беру с собой ноутбук и пишу историю о том, как много лет назад полюбил девочку, которой было всего четыре года. Я пишу историю о своей первой любви, меняя места, имена, события, города и страны, оставляя главное – наши мечты, чувства, встречи и расставания. Я ищу ответ за каждой новой строчкой, каждым новым прожитым днем в нашем далеком прошлом. Мог ли я успеть, или у нас изначально не было никакого шанса? Была ли наша любовь иллюзией, мечтой, которой не суждено было сбыться?

Если бы мы были настоящими, то выстояли. Разве нет? Я знаю, что пройдет несколько лет, и все случившееся с нами покажется сном, размытым воспоминанием

«Я был ее первой любовью, а она – моей единственной».

Конец.

Прошло два года с тех пор, как я завершил написание своей нелегкой исповеди. Я продолжаю возвращаться на пляж, где провел огромное количество часов, набирая текст, и, глядя на загорающийся рассвет, на волны, с остервенением бьющиеся о берег и на алые всполохи в светлеющем небе. Я прихожу сюда ранним утром или на закате. Полной грудью вдыхаю соленый свежий ветер, а затем перечитываю обжигающие душу строки снова и снова. В них вся моя жизнь с того момента, как я помню себя и до того, который предпочел бы забыть. Мое неумное стремление жить быстро, ярко, на грани эмоций привело к неутешительному финалу – я везде опоздал и больше не верю, что для меня существует пресловутая чистая страница, новый этап или второй шанс почувствовать себя цельным. Я погружаюсь в воспоминания, которые не отпускают, не дают покоя, а после с разбега бросаюсь в бушующие или смиренные волны океана, чтобы смыть наваждение, одиночество, горечь и пустоту в разбитом сердце.

Я придумал собственный способ священного крещения и отпущения грехов. Океан ревел или шептал, качая меня, позволяя на мгновение забыть, очиститься от воспоминаний, в которых хранится так много всего и ничего правильного.

Написав финал своей личной трагедии, и, поставив жирную точку в прошлом, я никак не мог предположить, что эпилог моей истории станет прологом для новой...

Глава 2

Кэрри

Лос-Анджелес. Восемь лет назад.

– Выпрыгивай, черт бы тебя побрал, – орет в рупор постановщик трюков Джош Каперски на каскадера, который находится в горящей машине, несущейся на полном ходу по оцепленному участку трассы. Окаменев от ужаса, я едва не пролила на себя кофе, неотрывно наблюдая за разворачивающейся сценой. Многочисленные камеры одновременно со мной улавливают момент, когда рискованный парень выскакивает из автомобиля. Кувырнувшись в воздухе, он приземляется на ноги и неторопливой походкой направляется в сторону съёмочной группы. Его специальный костюм продолжает гореть, пока ребята из технического отдела бегут к нему с огнетушителями. Когда огонь полностью сбивают, каскадер снимает маску и невозмутимо улыбается пребывающим в шоке зрителям. Я с облегчением выдыхаю, поняв, что опасность миновала, а съёмочная группа оживает, начиная свистеть и аплодировать.

– Шевели своей жирной задницей, клуша, – толкнув меня в плечо, рычит Сандра Коул. Ее красивое лицо искажено раздражением. Моргнув, я перевожу на красавицу рассеянный взгляд, ее слова доходят до меня с трудом. Сердце хаотично бьется от испытанного страха за отчаянного каскадера. Закатив глаза, Сандра вырывает из моих рук пластиковый стаканчик и направляется к дымящемуся парню. С досадой и завистью я смотрю, как она отдает ему кофе, и как его сильная рука обвивает ее талию, властно привлекая к мускулистому телу. Сандра Коул – новая голливудская звезда, она играет главную женскую роль в шпионском блокбастере, на съемках которого я подрабатываю в свободное от учебы время, выполняя самые разные мелкие поручения. Девочка на побегушках. На меня обращают внимание только в случае, когда не на ком больше сорвать плохое настроение. На площадке полно роскошных красавиц с мировыми именами и модельной внешностью. А мое лицо и фигура далеки от шаблонов красоты. Полная, невысокая, еще и угревая сыпь, с которой я борюсь с шестнадцати лет, но безнадежно проигрываю. Вряд ли кто-то из огромного коллектива, работающего над фильмом, запомнил мое имя. Даже охранник, прежде чем пропустить, всякий раз требует пропуск, хотя я бываю тут каждый день. Прихожу сразу после занятий в университете и остаюсь так долго, как могу. Я не жалуясь. На самом деле мне чертовски повезло, что я, вообще, попала в состав съёмочной группы. Я обожаю кино с детства, одержима не столько конечным результатом, сколько кропотливым процессом его создания. Если бы не моя невыразительная внешность, я бы грезила, как и многие девчонки, о карьере актрисы, но трезво рассмотрев свои шансы, подала документы в UCLA на режиссерский факультет. И, отучившись полгода, уже точно решила, кем стану в будущем.

– Я всегда говорил, хороших каскадеров в Голливуде пруд пруди, а гениальный – один. И это Марк Красавин, – хвалит каскадера режиссер фильма, пожимая его руку. Роберт Мейн – отвратительный тип, требовательный, безнравственный и непредсказуемый. Он жесткий даже со звездами, но как режиссер – гениален.

– Молодец, парень, – продолжает он. – Точно не хочешь попробовать на мужскую роль? У тебя невероятный магнетизм. Смотри, как наша Сандра к тебе прилипла, – Роберт ущипнул главную суку, пардон, актрису за щеку.

– Нет. Я не актер, Роберт. Но спасибо, – с вежливым равнодушием отзывается Марк, продолжая лапать Сандру и пить кофе, который я должна была ему отнести. Но так растерялась, когда Красавин на несколько секунд дольше положенного задержался в горящей машине, что едва не заработала инфаркт в свои неполные девятнадцать.

– Зря, мальчик, гонорары другие, известность. Данные у тебя есть. Бабы любят. Ты же у нас даже Джимми затмил. У женского состава просто фурор, когда им становится известно, что за каскадёр будет работать в картине.

Джимми – актер, которого дублирует Марк Красавин, выполняя за него все сложные трюки. Как и Сандра, Джимми Броуди – голливудская звезда, секс-символ, но я никогда не считала его привлекательным и не вешала постеры со смазливой физиономией Броуди на стенах своей комнаты. Я давно и безнадежно запала на парня, который горит, прыгает и летает в кадре. Мейн прав, у Марка Красавина есть всё, чтобы затмить Джимми и любого другого избалованного славой актера с мировым именем. Он настолько горяч, что мне самой требуется огнетушитель, когда я смотрю на него, просто смотрю. Мы ни разу не разговаривали, хотя я пару раз приносила ему кофе. Уверена, он не замечает меня точно так же, как и все остальные.

Я давно смирилась с ролью невидимки, которую играю со школы. В университете у меня тоже нет друзей, с кем я могла бы поговорить по душам. Разве что Ари, но она не подруга, а, скорее, приятельница. Сумасшедшая девчонка, совершенно безбашенная. Она чуть не сбила меня на своем байке в первый день занятий. Я немного опаздывала и перебежала дорогу, не посмотрев по сторонам. Ари, уклоняясь от столкновения, вылетела на обочину и свалилась, порвав свои кожаные штаны. Мне пришлось купить ей новые. Так и завязалось общение. Потребительское с ее стороны.

Иногда Ариана наглет и является ко мне без приглашения, остается на ночь, но я терплю. Мне даже приятно заботиться о ком-то. Ари популярна в университете, и ее обожают парни, но надолго не задерживаются, не выдерживая бешеной энергетики и взбалмошного характера. Уверена, что появившись она на площадке, Красавин точно бы обратил внимание на рыжую беспредельщицу. Я и сама стала, своего рода, жертвой ее безумного магнетизма и невероятной свободы, которую она излучает каждым своим словом и действием. Если бы я могла вот так же легко жить и мыслить. Но мы настолько разные, что я каждый раз удивляюсь, зачем она вообще со мной возится?

Вероятно, каждому безумцу нужна тихая гавань, и Ари Миллер нашла таковую во мне. Единственное, что я не приемлю в ее поведении – это легкомысленное отношение к парням. Она заводит романы настолько часто, что я давно сбилась со счета. Иногда морочит голову сразу несколькими. Я бы так не смогла, даже имея такую же яркую внешность, как у Ари. У меня старомодные взгляды на взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Я отлично понимаю, что с такими принципами у меня мало шансов найти себе бойфренда, подходящего под мои многочисленные критерии. И меня это не удручает. Совсем.

Я по-настоящему счастлива наедине с собой или здесь – в закулисы киноиндустрии. Хотя работа дается мне нелегко и очень несладко. Все, начиная от технического персонала до помощников режиссёра, норовят унижить или оскорбить, ткнуть носом в мои промахи, а я не могу набраться смелости, чтобы ответить на грубость или постоять за себя. Это жалко звучит, но я с детства болезненно-застенчивая.

Мама была другой, она ... Я не хочу о ней вспоминать. Это больно. Мы приехали из Франции в Голливуд, когда мне только исполнилось семь, и город грехов сожрал ее, поглотил, перемолол и выплюнул. А мой отец ничего не сделал, чтобы помочь, ни малейшего интереса и участия с его стороны. Мы просили о помощи. Мама просила, но, когда он вспомнил о нас, было уже слишком поздно.

Моя мать выпала с двадцать третьего этажа отеля «Плаза» во время вечеринки. Свидетели говорят, она была под кайфом. Я не сомневаюсь, что показания и слухи правдивы. Ее образ жизни допускал и даже приветствовал употребление алкоголя и запрещенных препаратов. Когда-то мама была неплохой актрисой и моделью, но в последние годы ей не везло с работой, и она отчаялась, упала духом, а потом пошла по рукам. Бесконечная вереница мужчин,

наркотики. Я обращалась к отцу, умоляла вмешаться, но ему было удобнее жить так, словно нас не существует, словно он стыдился нас, словно мы недостойны.

Я пыталась изменить его отношение, старательно училась, участвовала в олимпиадах, но он даже слышать не хотел о моих достижениях. Я не входила в круг его интересов, и в напряженном графике жизни моего отца не было ни одного «окна» для некрасивой дочери. Мама рассказывала, почему так вышло. Отец меня не хотел, настаивал на аборте, но она уехала в Париж и там родила, а потом вернулась и ... Короче говоря, он не обрадовался встрече ни с ней, ни со мной. После гибели мамы ничего кардинально не изменилось. Меня по-прежнему для него нет. Тень. Невидимка. Обуза.

Но я заставлю его изменить свое мнение. Однажды он будет гордиться мной. Может быть, у меня нет красивой внешности, как у матери, но я не глупа. Преподаватели хвалят и выделяют меня среди других студентов. Немного удачи, и я обязательно добьюсь успеха на выбранном поприще.

– Роберт, ты уверен, что не нужен ещё один дубль? – обращается Марк к Мейну. У парня очень глубокий и чувственный голос, я снова залипаю, глядя на его обтянутые латексным костюмом рельефные мышцы. Краска приливает к щекам и другим интимным местам, обречённым на вечную девственность.

Однажды я видела его голым. Совершенно случайно. Заносила что-то из реквизита в примерку, а Красавин в это время плескался в душе, не соизволив закрыть дверь. Боги, это было незабываемое, крышесносное зрелище. Круче, чем на площадке. У него обалденное тело, и если бы не огромное количество татуировок, я бы смело причислила Красавина к гребаному эталону абсолютного мужского совершенства. Мне сказочно повезло, что парень не заметил меня, пока я пялилась на его задницу, обливаясь слюной. Ради такого, как Красавин, я бы забила на все свои критерии и позволила себе на пару мгновений превратиться в Ари. Она бы точно не упустила момент. Жаль, что я всего лишь бледная невыразительная Каролин Симон.

– Все отлично. Отдыхай, Марк. Завтра в шесть на площадке. Много не пей, – насмешливо отвечает Мейн, переключая свое царственное внимание на Джимми и Сандру, которая нехотя отрывается от единственного кумира моих грез. – Что стоим, оболтусы? Работаем. Еще три сцены, а они даже текст не повторяют.

За моей спиной раздаётся раздраженный женский голос.

– Ты опять зависла? Тебя Кармен повсюду ищет. Ей нужна помощь с новым реквизитом, – повернувшись, я чуть не влетаю в костюмершу. Кажется, ее зовут Мэри. Симпатичная стройная блондинка, почему-то уверенная в том, что я нахожусь в ее личном подчинении.

– Совсем ослепла? Куда прешь? – хамит она. Потом переводит взгляд за мою спину и резко меняется в лице, растягивая губы в улыбке, которая предназначена точно не мне. И не надо оглядываться, чтобы понять кому именно. В груди неприятно ноет, но я бессильна изменить кобелиную натуру Красавина, известного своими многочисленными сексуальными связями и, точно так же, бессильна изменить собственное отражение в зеркале. У меня нет ни малейшего шанса попасть в его одноразовый список. И не то, чтобы я сожалею, нет... Просто хочется, чтобы он хотя бы один раз посмотрел на меня, как на других красивых девушек, с которыми трахается или флиртует. И ему, кстати, не помешает наличие официальной подружки.

– Пойду заберу испорченный костюм. Исчезни, – отталкивая меня в сторону, негромко бросает Мэри. Обернувшись, я провожаю ее стройную фигурку и подтянутую раскачивающуюся попку тоскливым взглядом. Блондинка направляется в сторону примерки Красавина, где секундами ранее он закрыл за собой дверь, успев недвусмысленно подмигнуть Мэри. Я закусываю губу, испытывая бессильное раздражение и, отлично понимая, чем займутся Марк и Мэри в ближайшие минуты. Оставалось только пофантазировать, насколько это будет грубо и горячо, но только в моих фантазиях вместо Мэри буду я. Похудевшая, гибкая, красивая. И он непременно поймет, насколько я особенная и, как сильно отличаюсь от других женщин, а

потом полюбит меня. Все мои мечты о Марке Красавине всегда заканчивались одинаково. Он делал мне предложение во время исполнения самого сумасшедшего из своих трюков на глазах у съёмочной группы. Я плакала от умиления, а все брюнетки и блондинки, которых он успел поиметь до меня – от зависти.

– Каролин, подойди сюда, – я даже подпрыгиваю от удивления, когда меня окликают сам Роберт Мейн. Вернувшись с небес на землю, я удивленно встречаю его нетерпеливый взгляд. Оглядываюсь по сторонам, на всякий случай, но рядом других Каролин не наблюдается.

– Живее, Кэрри, – начинает раздражаться Роберт, и я быстрее передвигаю ногами. – Садись, – приказывает он, когда я подхожу и показывает на стул напротив. Я начинаю смутно догадываться о причине его заинтересованности. Было огромной глупостью подсунуть под дверь его кабинета свой сценарий, над которым я работала три месяца. Он сырой, немного наивный, но... Никаких «но». Не знаю, о чем я думала, когда решилась на подобную глупость. Мейн поднимает на меня внимательный острый взгляд. У меня хватило ума подписать свою «домашнюю работу» настоящим именем. Какая же дура! Мучительно краснею, опуская глаза. Неловко убираю за ухо выбившуюся светлую прядь из высокого хвоста. Волосы – мое единственное достоинство. Длинные, густые, шелковистые. Я блондинка от природы, но если к данному факту не прилагаются длинные ноги, тонкая талия и глаза на пол-лица, то единственное достоинство скорее всего не заметят. Полные прыщавые щеки и жирный зад бросаются в глаза быстрее, чем красивые волосы.

Мейн напряженно молчит, а я всё больше нервничаю. Ну всё, сейчас он меня осмеет и вышвырнет с площадки. Главное, чтобы никто не увидел моего позора. Я вздрагиваю, когда знакомая толстая папка ложится на мои колени. Опускаю голову ниже, стораю от стыда.

– Твоя работа? – резко спрашивает он. Я неопределённо дергаю плечами, шмыгнув носом и начинаю трястись в нервном ознобе. – Что тебя вдохновило, Кэрри?

Мотаю головой, не смея посмотреть в суровое лицо знаменитого режиссера.

– Прекрати дрожать и ответь на вопрос, – рявкает он, теряя терпение. – Ты слышала, что я говорил о своих планах в отношении Красавина, или это твое личное желание? Или, может, фантазии? – добавляет вкрадчиво.

Набравшись смелости, поднимаю голову, испуганно глядя в светлые безжалостные глаза Мейна.

– Я слышала. И я подумала... – сбивчиво начинаю я, и Роберт стиснув челюсти, наклоняется вперед, наводя на меня еще больше ужаса. Но именно страх заставляет меня сказать правду. – Я давно наблюдала за ним. И подумала что, если бы ты решил снять фильм с участием Красавина... То он бы мог сыграть кого-то, похожего на себя. Поэтому я собрала те факты, которые знала и собственные наблюдения.

– Никогда бы не предположил, что из одержимой фанатичной влюбленности в кумира может выйти нечто толковое, – обрывая меня на полуслове, бросает Мейн. Это жестоко и больно. Но он прав. Стоп... Толковое? Он сказал «толковое»? Удивлённо смотрю в невозмутимое хладнокровное лицо режиссера, отказываясь верить собственным ушам. – Это твой первый сценарий? Или ты пробовала раньше? – продолжает меня допрашивать Мейн.

– Я пишу с детства, но всерьез начала год назад, когда готовилась к поступлению в университет, – смущаясь, и, краснея, лепечу я. – Я прочитала много литературы о том, как правильно создавать сценарий.

– Меня не интересует, когда и почему, – обрывает Роберт. – Я задал конкретный вопрос. Первый или нет?

– Нет, – растеряно качаю головой. Мейн проводит ладонью по седеющей шевелюре, в его глазах глубокая задумчивость. – Есть другие.

– Я хочу посмотреть, – заявляет он, и меня снова охватывает ощущение нереальности происходящего.

– Seriously? – на пару секунд потеряв дар речи, спрашиваю я. Он раздраженно кивает. Пристально всматриваюсь в лицо мужчины, пытаюсь разглядеть признаки неискренности. На розыгрыш вроде не похоже. Да и зачем ему тратить свое драгоценное время, чтобы посмеяться над какой-то неуклюжей толстушкой Кэрри.

– Принесешь мне лично. А этот надо доработать. Я оставил пометки на полях. И, вероятно, вносить изменения придется не раз и не два.

– Ты его берешь? – округлив глаза, изумленно спрашиваю я, оглушенная бешеным стуком сердца в груди, в висках. Все тело вибрирует и бьется в одном ритме. Это какое-то безумие. Я не лукавила, сказав, что пишу сценарии с детства. Почему сценарии? Моя мать актриса. Я выросла среди артистов, сценаристов, режиссеров, я больше времени провела на съёмочных площадках, чем в детском саду или школе. Кино было моей мечтой, сколько я помню себя. А врождённая наблюдательность и внимательность к деталям, в свое время, удивляли даже маму. И в период обучения в школе у меня сложился определенный опыт. Я никогда не хотела участвовать в школьных спектаклях в качестве исполнительницы роли, но именно мне доверили организаторскую работу, и я всегда отлично справлялась.

– Не уверен, но, если мне удастся получить Красавина, то такая вероятность имеется. Идея неплохая. Есть одно «но», – категорично начинает Мейн.

– Какое? – впиваясь в него вопросительным взглядом, спрашиваю я.

– Ты никто, Кэрри, – жестко бьет меня словами Мейн. – Студентка, которая подрабатывает девочкой на побегушках. Твое имя на сценарии – заведомый провал фильма. Понимаешь?

Я какое-то время смотрю на него, пытаюсь понять, что Мейн имеет в виду, а потом нервно сглатываю образовавшийся в горле комок и киваю.

– Да. Мне все равно. Я... – начинаю мямлить, но он снова затыкает меня.

– Ты получишь неплохой гонорар, но мы подпишем бумаги, согласно которым ты полностью передашь мне права на сценарий. И, в случае утверждения, он будет подписан моим именем. Если не согласна, скажи сейчас.

– Я согласна, – быстро отвечаю я. О чем тут вообще можно думать? Мне всего восемнадцать. И это гребаный звездный час. Время амбиций можно немного задвинуть на неопределенный срок. Сам Роберт Мейн оценил мой творческий порыв. Черт возьми, если я смогу когда-нибудь увидеть фильм по сценарию, созданным моей рукой, мне плевать, чье имя прозвучит в титрах.

В венах растекается адреналин, и я начинаю понимать, о каких эмоциях говорила Ари, объясняя, почему ей так необходимо гонять по городу на бешеной скорости и влипать в сомнительные истории. Пальцы автоматически тянутся к заколке в волосах, поглаживая камушек. Моя мать когда-то собирала заколки с бабочками, некоторые были инкрустированы драгоценными камнями. Я ношу одну из них в память о ней. Бабочка... Ее так называли многие из ее любовников. Она обожала крылатых красавиц, часто использовала их в качестве принтов в одежде, даже наколола парочку на плече и целый рой крошечных колибри на поясице. Прозвище ей действительно очень подходило. Прекрасная, тонкая, легкая, она порхала по жизни, пока не сожгла свои крылья и не рухнула.... Жизнь оказалась злее и беспощаднее, чем думала моя мама. Нет, не могу. Не буду думать об этом сейчас, когда напряженный твердый взгляд Мейна неотрывно следит за каждой эмоцией на моем лице. Он замечает мой неосознанный жест и смотрит на заколку в моих волосах с мрачным выражением лица. Но зря волнуется, я не откажусь.

– А подумать? – скользнув по мне пристальным взглядом спрашивает Мейн. Я так счастлива, что он впервые не кажется мне отвратительным и раздражающим типом с гадким характером.

– Я уже всё решила, – сияя улыбкой, заверяю я.

– Вот и отлично. Остальные работы я тоже хочу увидеть. Убедительная просьба – больше ничего не оставляй под дверь. Только лично в руки и никому ни слова. Даже самым близким подружкам. Ясно?

– Да, – робко киваю я.

– Тогда возвращайся к своим обязанностям. А, чтобы не было лишних вопросов, назначу тебя своим личным помощником... номер десять, – ухмыляется он.

Марк

Лос-Анджелес. Наши дни.

– Ты кусок дерьма, Марк Красавин, больной убудок и неудачник, – визжит Клэр Роудс, яростно дергая запястье, прикованное к кровати наручником. Ее идеальное личико, чарующе улыбающееся с обложек модных журналов, в настоящий момент покрыто красными пятнами и перекошено злобой. Сексуальное стройное тело, которое мегапопулярная актриса с удовольствием обнажает на потеху публики во время откровенных фотосессий, извивается на сбитых простынях в отчаянной и безуспешной попытке освободиться. Фанатичные поклонники были бы неприятно удивлены, увидев секс-символ современности в образе взбесившейся суки. И я, на мгновение, задумываюсь, а не сделать ли мне парочку удачных сэлфи с Клэр Роудс, которые уже через пару минут взорвали бы таблоиды.

– Отстегни меня! Сейчас же. Подонок, извращенец... – продолжает вопить кумир миллионов, пока я, стоя к ней спиной, небрежным жестом застегиваю ширинку на джинсах, ремень и натягиваю футболку. Беру с тумбочки часы, защелкиваю на запястье, потом тянусь за мобильным и, повернувшись, окидываю задумчивым взглядом продолжающую биться в истерике Клэр.

– Ты скотина, я тебя уничтожу. Я... – ее голос срывается. Заметив в моих татуированных пальцах гаджет с загоревшимся объективом камеры, она застывает. И с выражением ужаса смотрит мне в глаза. Я насмешливо ухмыляюсь, склонив голову на бок, и, поднимая руку, выбираю более удачный ракурс.

– Ты не сделаешь этого, ты мразь! – хрипло кричит она. Я невозмутимо пожимаю плечами и, словно в раздумье, потираю покрытый щетиной подбородок, разглядывая голую разъяренную миссис Роудс, чья корона неудачно закатилась под кровать, пока я ее трахал. Кстати, пока мой член вбивался в эту похотливую сучку, она так не сквернословила, и я не был ни подонком, ни куском дерьма. Разве что немного извращенцем, но я уверен, ей это понравилось.

– Отпусти, Марк, у тебя будут проблемы, – осознав, что ее крики производят на меня нулевой эффект, свистящим шёпотом требует Клэр.

– Я так часто слышу эту фразу в последнее время, детка, – делая пару снимков, с чувственной улыбкой отвечаю я, убирая телефон в задний карман джинсов. Обув на ноги массивные кожаные ботинки, медленно подхожу к кровати, окидывая присмирившую девушку скептическим взглядом.

– Не волнуйся, я приберегу твои «бесценные» фотографии на тот случай, если ты все-таки решишь устроить мне парочку новых проблем, – произношу почти ласковым тоном и обхватываю ее лицо за скулы, вынуждая смотреть мне в глаза. – Я буду смотреть на них, когда меня накроет ностальгия о нашем коротком и ярком приключении.

– Теперь ты расстегнёшь наручники? – тихо спрашивает она и даже пытается соблазнительно улыбнуться, выпячивая свои сиськи, над которыми явно поработал пластический хирург. Я в удивлении приподнимаю бровь. Ни слова не говоря, достаю из кармана несколько зеленых купюр. Клэр сунула их туда три часа назад. Это случилось перед тем, как она попросила меня увезти ее с вечеринки, где мы оба присутствовали. В ее серо-зеленых глазах мелькает недоумение, пока я скручиваю деньги в трубочку.

– Открой рот, – резко требую я. Она растерянно и испуганно мотает головой. Жестко сжав ее скулы, я повторяю безэмоциональным ледяным тоном. – Открой свой чертов рот.

– Нет, – пищит Клэр, в глазах мелькают слезы. Она актриса, мать ее. И это не более чем игра, призванная одурачить меня, вызвать жалость. Хрен тебе, сука.

– Для моего члена ты открывала рот даже, когда я об этом не просил, – бесстрастно напоминаю я, и она краснеет, но не от смущения или стыда, а от ярости.

– Ну ты и свинья, Красавин. – шипит она. Я усиливаю нажим пальцев, и, вскрикнув, девушка делает то, что ей сказали. В миг, я засовываю в её рот свернутые купюры. Глубоко, прямо в горло, она не задохнется. С её-то навыками.

– Лежи так, пока я не уйду, – приказываю я, поднимая с пола кожаную куртку с шипами и эмблемой каскадерского клуба «Тайгерс». Она снова дергается, пытаясь мычать, яростно мотая головой.

На пороге я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на одну из самых сексуальных женщин планеты по версии журнала «People». Ухмылка кривит мои губы, и я посылаю ей прощальный воздушный поцелуй. Внизу хлопает входная дверь, и моя улыбка становится шире.

– Кажется, Мистер Роудс вернулся. Надеюсь, он оценит то, как я отлично справился с его обязанностями, – заявляю невозмутимо и, передумав спускаться по лестнице, стремительно подхожу к окну. Распахнув его, спрыгиваю в сад и, резво перемахнув через забор, оказываюсь за пределами владений Роудсов. Можно было, конечно, через парадный вход и центральные ворота, но я не горю желанием натолкнуться на роконосца-режиссера, который явил миру рождение голливудской звезды Клэр Роудс.

Мой Харлей припаркован у соседнего дома, чтобы ненароком не подмочить репутацию ни разу не замеченной в измене миссис Роудс. Выкурив сигарету, я забираюсь на мотоцикл и, закрепив шлем, на огромной скорости уношусь прочь из шикарного района, в котором когда-то мог позволить себе купить особняк не хуже, чем у известных супругов. А теперь такие охреневшие богатые потаскухи, как Клэр считают, что могут трахнуть меня за пару тысяч. И это, бл*дь, далеко не первый случай.

Стиснув челюсти, я прибавляю газа, и Харлей с бешеным ревом устремляется вперед. Лавируя между ползущими в потоке автомобилями, оставляю их позади, не обращая внимания на возмущенные сигналы. Скорость несет освобождение, растворяя мою ярость, рождая ощущение мнимой свободы. Я снова чувствую выброс адреналина, разливающегося по венам, сумасшедший драйв, дикое биение сердца и свист ветра в ушах. Перед моими глазами только синее небо над головой и бесконечная черная полоса дороги.

Когда-то мой покойный друг Джош Каперски сказал, что адреналиновые наркоманы вроде нас с ним все эмоции переживают ярче и острее. Он был чертовски прав. Чтобы продолжать жить, нам необходимо гореть во всех смыслах этого слова. Каперски, вообще, говорил очень много мудрых вещей, но я был слишком молод и глуп, чтобы прислушиваться к советам, а сейчас... сейчас, когда мой огонь потушила моя белокурая Джульетта, я отчаянно ищу способ вернуть себе хотя бы мизерное подобие безумной эйфории, и иногда у меня получается... на одно мгновение. А потом, я возвращаюсь в свое привычное бесчувственное отрешенное состояние и упорно продолжаю бессмысленное существование. Но я не сдался, утонув в литрах алкоголя и доступной на каждом шагу наркоты, как случалось ранее. Я пытаюсь барахтаться, плыть против течения, но пока стихия сильнее. Меня каждый раз откидывает назад, и приходится начинать все сначала.

Припарковавшись во внутреннем дворе невзрачного одноэтажного коттеджа, я спрыгиваю с мотоцикла и направляюсь к крыльцу, снимая на ходу шлем. Открыв дверь, прохожу в крошечную прокуренную тускло-освещенную прихожую с обшарпанными стенами. Из гостиной доносятся звуки телевизора и громкий хохот Билла Марвуда, который все свое свободное время от работы в «Тайгерс» проводит за просмотром тупых комедий наедине с пивом и пиц-

цей. Я не осуждаю. Каждый отдыхает так, как считает нужным. К тому же не так много у нас выходных, чтобы употребление лишних калорий сказалась на физической подготовке Билла. И даже если у нас нет заказов, мы не болтаемся без дела, а оттачиваем свои навыки и тренируемся в ангаре каскадерского клуба. Тело – это наш рабочий инструмент, и мы обязаны содержать его в тонусе.

Два года назад я оказался по уши в дерьме и огромных долгах, продал всё, что у меня было. Пришлось искать себе съёмную квартиру, а Билл предложил пожить у него. Район, мягко говоря, убогий, но в моем положении выбирать не приходится. Отдельная комната есть, а остальное лирика. Падать с небес на землю не очень приятно, но я уже пережил периоды апатии и отрицания, поэтому теперь отношусь к своему плачевному финансовому положению с долей иронии.

– Привет, пиво будешь? – не оборачиваясь, приветственно бросает Билл, поднимая руку вверх, когда, грохоча ботинками, я прохожу в комнату. Куртку и шлем оставил в прихожей, но снимать обувь здесь не принято. У Билла собственное понятие чистоты, и я, как постоялец, не навязываю ему свои порядки. В гостиной стоит сизый смог от выкуренных сигарет, на столике перед продавленным диваном тарелка с чипсами, коробка от пиццы и открытая бутылка пива, а под столом не меньше дюжины пустых.

– Не, я пас, – плюхнувшись в кресло, устало потираю ладонями лицо, пытаюсь не дышать прокуренным воздухом. Потом резко встаю и подхожу к балкону, распахивая дверь.

– Думаешь, на улице пахнет лучше? – скептически спрашивает Билл, глотнув пива. Он чертовски прав. Окна гостиной выходят на помойные баки, которые мусоровозы не спешат освобождать.

– Хотя бы на пять минут, – отвечаю я, возвращаясь в кресло. Билл снова заржал, не отрывая взгляд от экрана.

– Е*анутый фильм, – давясь от смеха, сообщает он, запивая свое отличное настроение пивом.

– Рад, что ты развлекаешься, – хмуро отзываюсь, блуждая взглядом по неприятной обстановке: захламленная гостиная, покрывшиеся недельной грязью полы. Без претензий. Каждый живет так, как хочет. Когда я уходил в полный отрыв, проводя недели наедине с бутылкой, мне случалось жить в гораздо худших условиях.

– А ты как? Развлекся? Нашел новых заказчиков? – спрашивает Марвуд, скользнув по мне любопытным взглядом.

– Заказчицу, бл*дь, для своего члена, – раздраженно бросаю я. Билл ухмыляется, удивленно приподнимая белёсые брови.

– И сколько она предложила?

– Пару штук.

– Бл*, парень, да твой член стоит дороже чем двадцать часов работы всей группы Тайгерсов. Ты бы не отказывался от инвестиций.

– Я засунул деньги ей в глотку.

– Голодный, но гордый, – ухмыляется Билл. – Отлично, чувак. Можно подумать, что у тебя хер бы отвалился. Хочет платить, пусть. Не похер?

– Не похер! – отвечаю я, качнув головой. А потом коротко рассказываю эпизод с Клэр Роудс. Билли даже про комедию забыл, слушая меня с открытым ртом. А потом разразился оглушительным смехом.

– Ну ты бл*дь, облажался, Марк. Бесплатно трахнул. Я бы с нее содрал по полной. А и не скажешь с мордахи, что она такая шалава. Слушай, почему мне никто бабки не предлагает за е*лю? Мой агрегат тоже, как надо пашет, – хлопнув себя по мощным бёдрам, усмехается Билл. – В следующий раз я иду на тусовку.

Я скептически окидываю взглядом его мускулистое огромное тело, лысый череп, сломанный в нескольких местах нос, шрам от ожога на шее, полученный Биллом во время неудачного трюка с огнем, вытянутый спортивный костюм, в котором он не только бухает перед телевизором, но и на съёмочную площадку приходит. Он отличный каскадер, но дипломат херовый. Грубоватая внешность полностью отражает содержимое.

– Я подумаю, – отвечаю уклончиво. – Пойду к себе, проверю почту, а ты расслабляйся, но не забывай, что завтра работаем: ты, я и Фокс. Немного погоняем на яхтах и водных мотоциклах, – вздохнув, поднимаюсь на ноги. Билли кивает, снова возвращаясь к просмотру фильма.

В моей небольшой спальне гораздо чище, чем в гостиной, но ремонт не помешает. Хотя бы косметический. И мебель поменять давно пора. До хрена чего нужно поменять. Как там орала Клэр Роудс? Полное дерьмо, неудачник. Отчасти так и есть. Раздевшись, отправляюсь в душ, чтобы смыть с себя пыль и приторный запах духов миссис Роудс. Стоя под горячими струями, ухмыляюсь, представляя, как обрадовался мистер Роудс, застав Клэр в том виде, в каком я ее оставил. Оттраханную, голую, пристегнутую к изголовью супружеской постели, с купюрами в глотке и использованными презервативами на полу. Не испытываю ни малейшего раскаяния. Эта шлюха заслужила небольшую взбучку.

Приняв душ, забираюсь в постель, расположив ноутбук на коленях. Пока система загружается, я задумчиво смотрю семейную фотографию в рамке, которая висит на противоположной стене. Тот самый день, когда мама получила орден «Родительская слава». Огромное событие для обычной семьи из Твери. Отец, мать и четырнадцать приемных детей самого разного возраста. Снимок примечателен тем, что меня на нем нет. Меня – единственного родного сына. И этому есть веская причина – я сам. Я слишком поздно осознал насколько дерьмовым сыном был и уже при всем желании не мог оказаться среди счастливых улыбающихся лиц. Я уехал из дома в девятнадцать лет и спустя почти десять лет вернулся... на похороны отца. Воплотив свои честолюбивые планы, и, потешив неумную гордыню, я приехал в Россию, в родной город и отчий дом, где все эти годы меня ждали и любили, пока я искал неуловимую звезду в небе, но не для того, чтобы похвастаться своими успехами, а столкнуться лицом к лицу с реальностью, к которой не был готов. Я так спешил жить, а по факту, везде опоздал. Не успел попрощаться с отцом и сказать ему главные слова, не успел вернуть любимую девушку, не успел стать счастливым. И с эгоистичным упрямством пытался вернуть себе чужое счастье, на которое, как мне казалось, я имею право. И в итоге меня ждало полное крушение иллюзий. Я получил заслуженное наказание и, глядя сейчас на светящиеся лица с фотографии, испытываю глубокую грусть, стыд и гордость за то, что они оказались мудрее и лучше меня. Они все... и Маша. Моя Джульетта. Замужняя, счастливая и невероятно красивая. Год назад, может, чуть больше я понял, что потерял ее окончательно. Хотя кого я обманываю – я потерял свою белокурую балерину гораздо раньше. Когда девятнадцатилетним парнем бросил ее с разбитым сердцем, уехав за мечтой, за новыми эмоциями, за свободой, успехом, славой. И я все это получил, но достигнутые вершины не принесли ни радости, ни удовлетворения. Я ощущал пустоту внутри, потому что свое собственное сердце оставил с шестнадцатилетней Машей в далекой Твери, где мне, гениальному и талантливому было слишком тесно. Однажды во время телефонного звонка мама проговорила, сказав, что Маша снова вышла замуж... За своего Солнцева. Вместо того, чтобы порадоваться за любимую женщину, я по старой привычке несколько дней беспробудно пил. И снова писал ей письма, на которые она не отвечает уже два года. Мы договаривались... я знаю, я дал слово, я, бл*дь, обещал, что не стану искать встречи, звонить и писать, пока ситуация с ее мужем не устаканится. Но теперь понимаю, что вся эта херня не устаканится никогда. Ее гребанный адвокат ни за что не позволит нам общаться, ни один мужик не позволил бы. Я трахнул его жену, и не важно при каких обстоятельствах, не важно, что я был у нее первым, что она любила меня задолго до того, как он появился и забрал ее. Наверное,

я бы на его месте поступил точно так же. На его месте я бы убил меня. Но я, бл*дь, все бы отдал за то, чтобы оказаться на его гребаном месте.

– Марк, – побарабанив по стене, орет из гостиной Билл, отвлекая мое внимание от просмотра электронной почты, указанной на визитках клуба каскадеров «Тайгерс». Вот уже два года я являюсь его директором, пытаюсь вытащить из полной жопы. Пока безуспешно. После смерти моего предшественника и единственного друга в Штатах, Джоша Каперски, многие парни разбежались сразу, подавшись в другие клубы, а те, что остались, свалили позже, поняв, что Тайгерсы еще не скоро вернут прежний статус и успех. В итоге в команде осталось пять парней, включая меня, и одна девушка.

– Забыл сказать, Ари звонила, – продолжает Билл. Я отвечаю ему негромким ударом кулака в стену и матерюсь под нос, когда с потолка на голову осыпается штукатурка. – Она придет к восьми. Это так, чтобы ты в курсе был.

Ариана Миллер – та самая девушка из Тайгерсов, готовая работать за голый энтузиазм. Она незаменимый член команды, хотя в самом начале я сомневался в ней, но Ариане удалось меня убедить дать ей шанс и не пожалеть об этом. Такая же безбашенная и сумасшедшая, как и все мы. И у меня с Ари нет служебного романа. Мы просто изредка... периодически занимаемся диким развязным сексом в самых экстремальных местах. Чаще всего, сразу после совершения сложного трюка или ночной гонки на байках. Каждый раз все происходит спонтанно, на выбросе адреналина, иначе мы не пробовали. Никаких отношений, свиданий и всякой херни с претензиями и ревностью; она отлично знает, что я тот еще сукин сын. Ей совершенно похер, чем я занимаюсь после того, как слезаю с нее. И мы, как бы нелепо это не звучало, почти друзья. Ари – единственная девушка, которой позволено приходить в нашу с Биллом халупу, чтобы выпить пива и поболтать или обсудить рабочие вопросы. Но сегодня у меня нет настроения на пустой треп.

– Скажешь, что я сплю, – кричу я, стряхивая с волос кусочки побелки. Билл что-то мычит в ответ, но я не слышу. Мой взгляд прикован к входящему сообщению. Не могу поверить собственным глазам. Роберт, мать его, Мейн. Какого хрена этот старый козел вспомнил обо мне? Когда моя актёрская карьера полетела в тартарары, он первый от меня отвернулся.

Прославленный оscarоносный режиссер Мейн несколько лет назад специально для меня написал сценарий, убедив, что актёр из меня выйдет не менее удачливый, чем каскадер. Так и было. Первый и единственный фильм с моим участием взорвал прокат: толпы поклонниц, слава секс-символа, сотни предложений. Всё рухнуло, когда я сорвал съемки у другого режиссера, не менее известного, чем Мейн. Это был крах. Я не просто кинул всю съемочную группу, а забил на все контракты, официально оформленные обязательства, и несколько месяцев беспробудно бухал, неудачно попадая под объективы папарацци не в самом приглядном виде. Скандал за скандалом. Мое имя гремело, а долги росли. Это был отвратительный период жизни, за который мне стыдно, но именно он выявил истинное положение дел и наглядно показал, кто друг, кто враг, а кто так...

Открыв письмо с темой «деловое предложение», я прошелся взглядом по тексту, удивляясь всё сильнее. Мейн практически в ультимативной форме просит меня явиться завтра на съемочную площадку к двум часам дня, прилагая в конце короткого сообщения адрес. Еще пару лет назад я бы удалил письмо, послав Мейна на хер, но сегодня обстоятельства значительно изменились. Если я проявлю терпимость, переступив через гордыню, то, возможно, Роберт даст Тайгерсам пару заказов в своих новых фильмах. Такую возможность нельзя профукасть из-за личных заморочек. Лично мне, Мейн не сделал ничего плохого. Он просто забил на меня, как все остальные влиятельные «друзья» из киноиндустрии и игнорировал мои звонки, когда я пытался найти работу для своей команды.

Я несколько раз перечитал письмо, в котором и было-то пару строк, пытаюсь прийти к правильному разумному решению. Сейчас не лучшее время, чтобы раскидываться предложе-

ниями таких маститых режиссеров, как Мейн. Но я понимаю, рассчитывать на прежние условия самонадеянно и глупо. Ублюдок отлично знает, что я в полной жопе и соглашусь работать за любой гонорар или просто за возможность снова попасть в большой бизнес. И, скорее всего, мне придется, наступив себе на глотку, лизать его тощий дряхлый зад, изображая из себя пай-мальчика, коим я никогда не являлся. Может, я и конченный мудака, но парни заслужили второй шанс, и я обязан им его предоставить. Хрен с ней с гордостью.

Однако, для того, чтобы убедить себя во всем том, что я сказал выше, мне понадобился почти час работы над собой. Я не привык пресмыкаться, никогда этого не делал, но многие вещи в нашей нелегкой жизни иногда приходится совершать впервые.

Когда, наконец, решение укрепило в моем сознании, я почувствовал некоторое облегчение. Даже захотелось выйти в гостиную, чтобы пропустить пару бутылок пива с Ари и Биллом, чей общий лошадиный ржач последние полчаса мешал мне сосредоточиться на концентрации правильной мысли. Концентрации мысли, бл*дь... Вот я загнул? Задатки несостоявшегося вундеркинда проснулись после десятилетней спячки. Впрочем, выйти к веселящейся парочке я так и не успел, Ари сама ко мне явилась. Как всегда, без стука или приглашения. Сама непосредственность.

– Избегаешь меня, красавчик? – приподняв брови, хитро спрашивает девушка, плюхнувшись на мою кровать, и, вытягивая ноги, обутое в огромные кожаные грейдеры. Она, как обычно, одета словно сбежавший из дома подросток. Дранные джинсы, футболка, болтающаяся на ней как балахон, совершенно не красящая девушку громоздкая обувь. Медные короткие волосы торчат во все стороны, будто она только что слезла с байка, накатав сотню миль без шлема. Заметив мой ироничный взгляд, она принялась приводить причёску в порядок, но десять пальцев не заменяет расческу. Я уверен, этого предмета быта с роду не бывало в ее кожаном шипованном рюкзаке, с которым девушка не расстается.

– Меня сегодня награждали совсем другими прозвищами, – вздохнув, жалуясь я, скользнув взглядом по смазливой мордашке. Как бы Ари не портила себя, она все равно чертовски привлекательная даже в образе девчонки-оторвы. С виду ей не дашь больше двадцати, но удостоверение личности говорит, что ей двадцать шесть. Уже не маленькая девочка.

– Опять разочаровал какую-то богатую суку? Или наоборот, перестарался? – сдвигая ноутбук в сторону, Ари кладет свой локоть на мой пресс, как на чёртову подставку и, склонившись к моему лицу, принюхивается. Что за...?

– Ты не пил, – заключает с удовлетворением. Я удивленно хмурюсь, отказываясь вникать в ход мыслей рыжей бестии. – Ну, обычно, ты только бухой можешь уснуть в процессе, а в других случаях на тебя грех жаловаться, – поясняет она.

– Не было такого, – возмущенно возражаю я. Ари смеется, ударив меня по плечу, и не как нежная барышня, а по-настоящему так – кулаком.

– Расслабься, мачо. Шучу я. Проверяю реакцию. Чего киснешь? И какого хрена у меня завтра опять выходной? – теперь она уже выглядит сердитой.

– Женских ролей в заказе не предусмотрено.

– Ты же знаешь, что я могу и за парня...

– Ари, ты отлично работаешь с мото и автотрюками, но на воду тебя пока рано выпускать.

– Ты просто не хочешь дать девушке подработать. Дискриминация по половому признаку осуждается обществом, – заявляет она, вызываясь вздернув подбородок. Я какое-то время рассматриваю ее с задумчивой улыбкой. Мысленно я снова в письме Мейна. Протягивая руку, Ари машет перед моими глазами ладошкой.

– Эй, я здесь, красавчик. А вот ты где сегодня?

– Тут такое дело, – неуверенно начинаю я, сосредоточив взгляд на больших голубых глазах Ари. Она сразу вся подтягивается еще ближе, сторая от любопытства. Усмехнувшись, я щелкаю ее по носу, и она раздраженно поджимает полные губки.

– Колись уже, загадочный парень, – нетерпеливо подначивает Ари.

– Мне Мейн написал, – она хмурится, словно пытаюсь припомнить, кто такой Мейн, и чем он может быть для меня важен. Не удивлюсь, если Ари и вправду не в курсе, что представляет из себя Роберт Мейн. Но она смотрела фильм, в котором я снимался. Значит, должна знать. – У него ко мне какое-то предложение. В общем, он ждет меня завтра в два часа дня.

– И что тебя напрягает? – она все еще выглядит озадаченной, ее ладонь неосознанно поглаживает мой пресс или осознанно... Черт ее разберёт. – По-моему, отличная новость. Если Мейн соизволил написать лично, то дело стоящее.

– Откуда тебе знать? – качнув головой, выдыхаю я. Пальцы Ари забираются под мою футболку, и я прихожу к мнению, что всё же действия ее осознано ведут к попытке трахнуть меня. Это на нее не похоже, учитывая, что в данный момент мы оба расслаблены и никаких адреналиновых встрясок не планируется. И я ни разу не занимался сексом с Ари в спальне, или в постели, или в любых других обычных условиях.

– Вот завтра сходишь и всё выяснишь, зачем сегодня загоняться? – Ари щипает меня за сосок, с самым невозмутимым выражением лица, но шаловливо-блестящие глаза выдают ее с головой. Я удивленно приподнимаю бровь, на что Ари отвечает белозубой выразительной улыбкой.

– А чем предлагаешь заняться сегодня? – на всякий случай уточняю я.

– Сначала мной, засранец. А потом, чем угодно, – улыбка девушки становится шире, и, дернув края моей футболки, она задирает ее максимально высоко, но снять окончательно я не позволяю. Ари с недовольством хмурится.

– Я сегодня уже отстрелялся, – но она, словно не услышав последнюю фразу, продолжает изучать пальцами татуировки на моем торсе, медленно спускаясь к резинке шорт.

– Никогда не спрашивала, зачем было забивать татуировками то, что и так идеально? – спрашивает Ари с придыханием. Ее грудь заметно вздымается под тонкой футболкой, в глазах недвусмысленное желание, губы закушены в нетерпении. Признаться, я обескуражен. Я, бл*дь, почти в шоке. Она прикалывается? Это какой-то розыгрыш?

– Ты в порядке? Слышала, что я сказал? Я пару часов передернул затвор, – хрипло напоминаю я, когда Ари совершенно наглым образом начинает лапать мой член через шорты, и он, на удивление, быстро оживает под ее чутким руководством.

– Когда тебе это мешало, Марк? Одна, две... Какая разница. – удовлетворённая осязательным успехом, девушка стаскивает с меня шорты, и это уже реально не смешно.

– Ты ведешь себя странно, – задумчиво бормочу я. Она пожимает плечами, ритмично двигая рукой по моему стояку, и, беспечно улыбаясь.

– Ты сам говорил, что я психичка, – склонившись, Ари проводит языком вдоль черных иероглифов внизу моего живота. Сглотнув, я беспомощно наблюдаю за неугомонной девчонкой. Почему-то, когда мы занимались сексом на крыше небоскреба перед тем, как она впервые попробовала себя в качестве экстремала бейсджампера, и после, в машине посреди уличной стоянки, мне не казалось, что девушка проявляет признаки неадекватности, а сейчас, когда она пытается соблазнить меня в собственной кровати, подобные мысли невольно забираются в голову.

– Я, с некоторых пор, обхожу психичек стороной, – сообщаю напряженно, и она сильнее сдавливает пальчики вокруг моего пульсирующего ствола. Выругавшись, я морщусь, и она расслабляет хватку, умелыми движениями массируя по всей длине.

– Если тебе не повезло в браке, это не значит, что все психички склонны к суициду, – выдает Ари, и я на пару секунд теряю дар речи.

– Черт, когда я успел тебе это рассказать? – она снова неопределенно дергает плечами и довольно урчит, вырисовывая языком узоры на моей коже. Она там не сожрать меня собра-

лась? Я ощутило напрягаюсь, пытаюсь приподняться, но Ари с не женской силой толкает меня обратно, оставляя мой член в покое. Хотя в каком на хрен покое...

– Когда ты напиваешься, то совершенно не контролируешь свой язык. Я раньше думала, что только женщины такие, а оказалось, нет, – ухмыляется девушка и, встав с кровати, быстро снимает с себя сначала ботинки, потом одежду, под которой скрывается фантастическая подтянутая изящная фигурка.

– У тебя ПМС? Или ты с кем-то подралась пока сюда добиралась? – настойчиво спрашиваю я, пытаюсь прояснить нездоровую ситуацию. Ариана хмыкнув, забирается на постель оседлав меня, как опытная наездница. Внизу ее живота тоже есть татуировка, немного странная для девушки, но вполне естественная для образа Арианы Миллер. Толстая черная цепь с объёмными кольцами, неровные крупные звенья обвивают ее талию словно в тисках. Никакой романтики. Вообще, выглядит жутковато и пахнет средневековьем. И я бы сказал, что над татуировкой работал дилетант. Я никогда не прикасался к ней, не возникало желания. Я имею в виду наколку. Хотя, я не так часто видел Ари голый, обычно у нас не было времени обнажаться полностью.

– Трахнуть с опальным секс-символом в его постели, где он еще никого не успел оприходовать, тоже своего рода экстрим, – произносит она, потираясь промежностью о мой член. – Если ты не соврал, конечно. – Прерывистое дыхание срывается с приоткрывшихся губ, и она делает еще пару развязных движений, практически танцуя напротив моего члена. А я плююсь на ее небольшие сиськи с маленькими сосками, испытывая невыносимое желание смять их в ладонях, но как только делаю это, Ари снова проявляет характер и, схватив мои запястья, опрокидывает назад, прижимая к постели. Но так еще лучше; я ловлю ее сосок губами, несильно закусывая, и она сдавленно смеется.

– Лежи смиренно, солдат. Сегодня я твой босс, – ворчит Ари, когда я пытаюсь приподняться. Крепко сжимает мои запястья и медленно проводит своими губами по моим. Я, не скрывая недоумения, смотрю в потемневшие глаза девушки и с облегчением вздыхаю, когда вижу знакомые бесовские вспышки в расширившихся зрачках. Она резко втягивает мою нижнюю губу, кусая острыми зубками, а потом целует, засовывая свой язык мне почти в глотку. Я отвечаю ей с глухим рычанием, делая характерный жест бедрами. И она, словно в наказание, сильно сдавливает меня по бокам своими коленками.

– Я никогда не служил в армии. Не уверен, что умею подчиняться, – хрипло возражаю, как только она отрывается от моих губ. Глядя на меня сверху вниз сверкающими глазами, Ари выпрямляется, тяжело и шумно дыша. И когда девушка стремительно опускается на мой член, впуская в свое тело, начинаю задыхаться я.

– Ох ты, мать твою, а презики? – вырывается у меня, и, схватив ее за задницу, я удерживаю девушку от дальнейших необдуманных действий. Туманная улыбка изгибает припухшие розовые губки.

– Пару часов назад ты ими пользовался? – спрашивает она, и, когда я киваю, беспечно заявляет. – Тогда всё в порядке. Расслабься, солдат и получай удовольствие.

– Звучит зловеще, – бормочу я, чувствуя, как всё ту же меня сжимают её плотные мышцы и приглушённо стону, когда она делает первое скользкое мучительно медленное движение. Я хлопаю её по заднице и, фыркнув, Ари переходит к бешеной скачке, без всяких промежуточных режимов. Откидываясь назад, она вцепляется пальцами в мои бедра, двигаясь как дикая амазонка на своем пленнике, издавая звуки, очень похожие на победный клич. И, бл*дь, она великолепна в необузданном порыве почти животной похоти. Какое-то время я позволяю ей вести, точнее скакать, заворожённым потрясающим зрелищем. Но моей выдержки хватает ненадолго, я перехватываю инициативу и, сжимая упругую задницу, начинаю мощно двигаться, насаживая на себя до упора. Наши стоны и шлепки тел отрывают Билла от пива и телевизора, и он начинает молотить кулаками в стену, возмущено вопя: «Трахайтесь тише,

извращенцы». Штукатурка сыплется на наши головы, мы хохочем и обоюдно игнорируем требование хозяина дома. А еще через пару позиций вообще забываем о его существовании.

Сумасшествие заканчивается на полу: она на коленях, я сзади, ее задница покрасневшая, истерзанная моими пальцами, делает пару финальных встречных толчков и начинает содрогаться. Я с хриплым рычанием кончаю, наваливаясь на неё потным обессиленным телом. Мы падаем на пол, и я успеваю смягчить удар, переворачивая ее так, чтобы она оказалась сверху. Взмокшие и задыхающиеся, мы несколько минут лежим, прилипнув друг к другу. Сердце хаотично бьется, горло горит. Вот теперь можно и пива глотнуть. Ари сползает с меня и вытягивается рядом, мы смотрим в потолок, практически не соприкасаясь телами. А потом, вместе идём в душ. Мы не разговариваем, не испытываем потребности в общении. Отличный секс и никаких эмоциональных заморочек. Что может быть лучше? Полотенце у меня только одно, и то влажное после моего недавнего душа. Приходится выбираться из ванной мокрыми. Наперегонки несёмся к кровати, чтобы спрятаться под одеяло. Вечером в спальне прохладно от неисправного кондиционера. Привлекая Ари к себе, я произвольным движением провожу ладонью по ее животу, она мгновенно напрягается. Подушечками пальцев я нащупываю шрам или даже несколько прямо под татуировкой.

– Что это? – спрашиваю я, заглядывая в ее лицо. Она резко отстраняется и спрыгивает с постели. В спальне темно, ее фигура в сумерках выглядит хрупкой, отточенной и гибкой. Она не спешит отвечать. А я не спрашиваю снова. Мы никогда не принуждаем друг друга к откровенности. Так завелось с самого начала нашего знакомства, но я только сейчас осознаю, что всегда рассказывал ей гораздо больше. Как много я знаю об Ариане Миллер, кроме того, что она классный трюкач, крутая байкерша и охрененно трахается? У меня даже анкеты ее нет. Она не подписывала никаких контрактов. А все допуски для работы получает уже на месте. Но я уверен в одном – если Ари набила татуировку, чтобы скрыть шрам, значит он что-то значит для нее и, судя по реакции на мой вопрос, что-то плохое. Должно ли меня это волновать? Как ее работодателя – да. Если у девушки есть проблемы со здоровьем, то она обязана была предупредить. Документы, которые мы подписываем перед совершением того или иного трюка, практически никак нас не защищают. Как правило, соблюдается безопасность заказчика, а не исполнителя. А значит, я должен нести ответственность за свою команду.

– Эй, ты куда? – спрашиваю я, наблюдая за поспешно натягивающей одежду девушкой.

– Домой, – мелькнув белозубой улыбкой, отвечает Ари. – Не думаю, что ты готов продолжить, да и я выдохлась.

– Так что за шрам на животе?

– Ничего смертельного. Не напрягайся. На моей работе он никак не скажется.

– А все-таки?

– Марк!

– Ариана!

– Черт, отстань, – рывкает девушка, зашнуровывая грейдеры. – Не парься, я сказала.

Шрам остался после операции, которую мне делали лет пять назад.

– На аппендицит не похоже.

– Нет. Это не аппендикс.

– Тогда что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.